

## Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

### Субституция знака Истории: от реальности к интеллигибельности

*Симбирев Дмитрий Владимирович*

*Студент*

*Киевский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, Философский факультет, Киев, Украина*

*E-mail: dimasimbiryov@gmail.com*

Концептуализация современного этапа развития истории (как “*historia rerum gestarum*” – истории деяний) и философии истории обусловлена особенностями исследовательской оптики и, соответственно, телоса рефлексии. Можно вести речь о противопоставлении новой парадигмы – старой, интерпретативной – дескриптивной, синтетической – аналитической, лингвистической – критической, постмодернистской – модернистской и так далее. Вслед за Ф. Р. Анкерсмитом, наиболее репрезентативным представляется противопоставление нарративной философии истории критической, которая «... всегда интересовалась поисками критериев истинности и обоснованности исторических описаний и объяснений; она пыталась ответить на эпистемологический вопрос о том, каковы условия, при которых мы имели основание верить, что утверждения историка о прошлом (единичные или общие) являются истинными» [1]. Утверждение статуса эпистемологического разрыва между историей и традиционным мифическим рассказом, в качестве ограждающего историю от падения в пропасть вымысла и, в то же время, легитимирующего ее как *Wissenschaft*, породило уверенность в возможности зеркального отображения референта через «объективные» означаемые. Тотальность эксплицитных смыслов заслоняла собой проблему непрозрачности дескриптивного языка.

Инспирированный структурализмом, лингвистический поворот в историографии и философии истории был артикулирован в работах Х. Уайта – его *opus famusum* «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века» и двух сборниках эссе – «Тропики дискурса» и «Содержание формы». Идея формообразующей роли языка, на которой акцентировал внимание структурализм, и ориентация на семиотическое истолкование реальности («текстуализация» мира) в постструктурализме, были экстраполированы на область историографии, обозначив, тем самым, размывание существовавших границ между историей и литературой. Среди мыслителей, оказавших наибольшее влияние на нарративную философию истории в целом, и Х. Уайта в частности, можно выделить Р. Барта, анализ идей которого, осуществлен в данной работе.

Специфичность восприятия наукой и литературой языка, в котором они формируются как виды дискурса, в то же время определяет их схожесть и различие. «Для науки язык лишь орудие, и его желательно сделать как можно более прозрачным и нейтральным, поставить в зависимость от субстанции научного изложения... которая считается по отношению к нему внеположной и первичной» [3]. Согласно Р. Барту, эти качества могут составлять содержание этоса ученого, но ни в коем случае не могут быть перенесены в дискурс. «В любом высказывании подразумевается его субъект»: при помощи грамматических категорий можно лишь тем или иным образом выражать себя, изображать свой образ в дискурсе или же, наоборот, устранять свою личность. «Грамматические уловки» обозначают только разные формы воображаемого. В научном дискурсе наиболее часто используется привативная форма, которая призвана обо-

значить самоустранение ученого ради достижения «объективности». Такая традиция «презентации» характерна для «объективного» исторического дискурса: история рассказывает как бы сама собой за счет систематического отсутствия знаков, которые отсылают к отправителю историографического сообщения. Таким образом, в историческом дискурсе, который по своей структуре есть лишь воображаемая конструкция, «... факт обладает лишь языковым существованием (как элемент дискурса), но при этом все происходит так, будто его существование – просто «копия» какого-то другого существования, имеющего место во внеструктурной области, в «реальности» [2]. Такое заключение дает основание для редуцирования истины к определенному стилистическому эффекту выражения. В случае истории – это «эффект реальности». Тут мы сталкиваемся с проблемой языка как инструмента репрезентации. Язык, речь дискурс могут рассматриваться как набор лишенных содержания «форм», которые при условии корректного подбора, ничего не прибавляют в смысле концептуального содержания репрезентации событий. Во втором случае, историк, осознавая имманентное свойство даже «обычного» языка содержать двусмысленности и ассоциации, что делает сомнительным его статус как инструмента буквального описания референтов в роли объектов исследования, может использовать «технический» язык (метаязык или слова с оговоренным значением) [6]. Если первый случай является примером наивных представлений о прозрачности языка, то формализация дискурса выглядит решением проблемы вторжения воображаемого. Тут историк попадает в парадоксальную ситуацию: интенция описывать лишь то «что произошло» в прошлом, говорить буквально, делает невозможным наполнение смыслом набора событий, поскольку проблематичным становится построение рассказа о них. Перефразируя высказывание Р. Барта, можно сказать, что для историка дать ответ на вопрос «почему мир таков?» невозможно, предварительно не ответив на вопрос «как о нем писать?» [4].

Если принять утверждение о том, что историческое знание, будучи основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения (мышление образами и фигуративными типами ассоциаций), всегда является знанием второго порядка [5], то история может быть рассмотрена как Текст – связанная знаковая система. Произведение более не мыслится как наделенное единственно верным смыслом, который и надлежит выявить. Принятие его неисчерпаемой символической природы конституирует текст. Понимание текста больше не тождественно «присвоению» через экстраполяцию когнитивных стереотипов как практики объяснения. Постулируется множественность текста. Следовательно, чтение больше не есть потребление, оно тяготеет к игре с текстом. Такие исходные положения легитимируют поливариантность интерпретаций и, следовательно, их «конкуренцию» как институционализацию права на субъективность.

## **Литература**

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. – с. 134
2. Барт Р. Дискурс истории // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. – с. 438

3. Барт Р. От науки к литературе // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. – с. 376
4. Барт Р. Писатели и пишущие // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. – с. 135
5. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург., 2002. – с. 12
6. Уайт Х. Ответ Иггерсу // Одиссей. 2001, с. 160-161